

Университет S — многопрофильный гигант, возникший в результате слияния нескольких вузов. Его медицинский институт по праву считается одним из лучших в стране, а прилегающая больница — это мощнейший комплекс, где лечебная практика неразрывно связана с передовой наукой. За последние годы институт выдал десятки патентов и открытий, многие его лаборатории занимают верхние строчки в национальных рейтингах, а сотрудничество с ведущими мировыми центрами обеспечило вузу блестящую международную репутацию.

Разумеется, за этим престижем стоит колоссальный труд и запредельные нагрузки.

Доктор Цинь Су после защиты диссертации осел в лаборатории по изучению туберкулеза при Научно-исследовательском центре экспериментальной медицины. Он пришел в этот кабинет в момент его основания, сразу став ключевым сотрудником, и вскоре сформировал собственную команду. Благодаря выдающимся успехам, Цинь Су досрочно получил звание профессора высшей категории, стал доктором наук, руководителем проектов и научным руководителем. Каждый год он принимал под свое крыло одного аспиранта и двух магистрантов, не считая докторантов, работающих над отдельными темами в его лаборатории.

Груз ответственности за исследования, помноженный на контроль за студентами, превратил его жизнь в бесконечный марафон. Больница и научные центры подчинялись университету, а значит, Цинь Су приходилось отвечать по двойным стандартам отчетности. Планы, гранты, публикации — задачи сыпались градом. О личной жизни не могло быть и речи. В первые годы работы он жил в режиме «пять плюс два» и «белое плюс черное»: неделя без выходных, дни, перетекающие в ночи. Он нередко засиживался в лаборатории до рассвета или вскакивал в три часа утра, чтобы помчаться к приборам. В его голове не было ничего, кроме проектов и формул. За три года такой самоотверженности он получил множество наград за инновационные статьи в журналах с высоким импакт-фактором.

Именно из-за этой фанатичной преданности делу Цинь Су совершенно не умел заводить романы. Он даже в собственной ориентации не был до конца уверен, пока Син Вэньфэй — парень намного моложе его — не начал проявлять настойчивое внимание. Профессор не устоял.

Почему он поддался? Цинь Су и сам толком не знал. Это был его первый опыт подобного ухаживания. Сбитый с толку, он растерялся и, кажется, просто пал жертвой обаяния Син Вэньфэй. У него даже не хватило времени все обдумать, прежде чем он ответил согласием.

Позже наступило раскаяние. Но стоило Вэньфэйю появиться снова, как Цинь Су опять сдал позиции. Когда такое происходит дважды подряд, глупо называть это случайностью. Цинь Су долго размышлял и пришел к выводу, что Син Вэньфэй ему действительно нравится, а значит, можно попробовать. Так их отношения растянулись на три года.

Лишь спустя немало времени Цинь Су случайно увидел паспорт любовника и похолодел: Син Вэньфэй был младше него на целых восемь лет.

Эта разница в возрасте по-настоящему напугала профессора. Он пытался отдалиться, но не

смог. В итоге его отношение к Вэньфэю стало почти покровительственным — он чувствовал, что должен оберегать и баловать того, кто настолько моложе.

Впрочем, неловкость никуда не делась. Вэньфэй был младше некоторых его студентов.

Цинь Су часто думал о том, что их ждет дальше и как назвать их союз, но никогда не обсуждал это с партнером. Син Вэньфэй казался ему совсем ребенком, и заводить подобные разговоры было стыдно — словно он совращал несовершеннолетнего. Хотя Вэньфэй давно стал взрослым мужчиной, это чувство вины не проходило. Поэтому Цинь Су молчал, и они три года прожили в странной неопределенности.

***

Больница при университете S располагалась совсем рядом с кампусом, а исследовательский корпус — прямо между ними. Для удобства Цинь Су купил в университетском городке небольшую квартиру на вторичном рынке. Дом был старым, постройки восьмидесятых годов — он был старше самого Син Вэньфэя. Жилье в таких домах разрешалось продавать только сотрудникам вуза, но даже при этом условии цена за квадратный метр была баснословной. Сто тридцать квадратов, три комнаты, две гостиные, кухня и два санузла. Одну спальню он занял сам, вторую превратил в кабинет, а третья предназначалась для родителей, которые иногда навещали в гости.

После покупки Цинь Су сделал ремонт, но интерьер получился на редкость старомодным и простым — за дело взялись его отец с матерью, чьи вкусы остались в тех самых восьмидесятых.

Квартира служила Цинь Су лишь местом для сна, поэтому он не обращал внимания на то, что скромная обстановка никак не вяжется с ценой недвижимости. Главное, чтобы было чисто.

Син Вэньфэй был здесь лишь однажды.

Цинь Су помнил тот визит в мельчайших деталях, хотя не сомневался: Вэньфэй давно о нем позабыл.

В глазах профессора Син Вэньфэй оставался баловнем судьбы. Он вырос в достатке, и его взгляд на привычные вещи часто ставил Цинь Су в тупик. Оставалось лишь мягко улыбаться и менять тему.

Вэньфэй был молод, полон сил и баснословно удачлив. Успешный бизнесмен, генеральный директор, он постоянно крутился в вихре светских приемов и деловых встреч. Его мир был ярким, динамичным и соблазнительным. На этом фоне Цинь Су — сутками пропадающий в лаборатории ученый, да еще и заметно старше — казался себе невыносимо скучным. Порой он оправдывал холодность Вэньфэя именно этим. Даже студенты ворчали, когда он пытался их наставлять, что уж говорить о молодом и амбициозном гендиректоре? Цинь Су сознательно ограничивал себя, стараясь говорить поменьше, чтобы не превращаться в ворчливого старика.

В тот вечер Вэньфэй нагрязнул внезапно. Цинь Су, получив сообщение, сорвался из лаборатории домой, успел принять душ и привести себя в порядок — не хотелось выглядеть изможденным перед молодым любовником. Годы брали свое, и состязаться в свежести он уже не мог.

Однако Вэньфэй не дождался его и, выяснив адрес, сам приехал к дому.

Войдя в квартиру, он окинул комнаты брезгливым взглядом.

— Ты это снимаешь? — спросил он.

Цинь Су не понял, к чему этот вопрос.

— Почему ты так решил?

— Да брось, — усмехнулся Вэньфэй. — Видно же, что ремонт делали спустя рукава, мебель самая дешевая. Явно временный вариант. К тому же конура такая тесная... Для аренды на пару месяцев сойдет, но покупать такое для жизни — с тоски помрешь.

Цинь Су смотрел на него — красивого, энергичного, излучающего уверенность — и не знал, что ответить.

Он не ведал истинного размаха семейного состояния Вэньфэя, знал лишь, что тот основал и возглавил компанию «Майте». Но по повадкам было ясно: это не тот человек, который сколотил капитал с нуля в первом поколении. За ним явно стояли капиталы отца, а то и деда.

— Пойдем, — только и сказал Цинь Су, не став спорить.

***

Син Вэньфэй помнил о той квартире гораздо больше, чем думал профессор.

И вот теперь он стоял перед дверью Цинь Су, всё еще убежденный, что это лишь съемное жилье.

Дом был дряхлым, без лифта. Несмотря на старания уборщиц, в подъезде стойко пахло сыростью и старым деревом — этот дух разложения преследовал каждого входящего.

Вэньфэй, чувствительный к запахам, поморщился.

С детства он привык к роскоши. И хотя в делах он мог быть невероятно выносливым и

неприхотливым, в быту он не признавал никаких лишений. И не собирался их терпеть.

С того единственного раза он больше не переступал порог этого дома.

С момента получения отказа в WeChat прошло сорок минут. Для Син Вэньфэя они стали самыми мучительными в жизни — куда тяжелее, чем ожидание котировок в день выхода его компании на биржу.

Он хотел ответить Цинь Су сообщением, долго набирал текст, но в итоге всё стирал. Любая фраза казалась ему жалкой и детской.

Цинь Су выставил его. Если он начнет препираться в мессенджере, это будет выглядеть как мольба. Это слабость.

«Проще приехать и разоблачить его. У Цинь Су не может быть никого другого. Неужели он меня не любит?»

«Невозможно!»

Син Вэньфэй был уверен в этом на все сто. Он не был идиотом и прекрасно чувствовал, как сильно Цинь Су к нему привязан.

— Гулко ударив кулаком в старую дверь, Вэньфэй замер в ожидании, выпрямившись как струна.

В подъезде воцарилась тишина. Погас автоматический свет. Вэньфэй стоял в темноте. Он вскинул левую руку — неоновые стрелки его «Вашерон Константин» замерли на полуночи. Он не сводил взгляда с секундной стрелки, и с каждым ее делением стук сердца становился всё громче. Он нервничал. Не прошло и пяти секунд, как он снова постучал.

— Профессор, открывай!

Он снова отступил, приняв бесстрастный вид. Если Цинь Су откроет, он не увидит ни тени его паники или спешки.

Стрелка отсчитала еще пять секунд. Тишина.

— Профессор Цинь!

Никто не шел. Он сжал губы и нахмурился. Лицо утратило юношескую веселость — теперь в нем читалось лишь глухое раздражение и властная ярость человека, привыкшего отдавать

приказы.

Он забарабанил в дверь снова.

На этот раз шум привлек соседа. В квартире за стеной жила семья из пяти человек: супруги-преподаватели, ребенок и старики.

Дверь приоткрылась, и на площадку выглянул пожилой мужчина, щурясь на незваного гостя.

Хотя Син Вэньфэй примчался в город G в спешке, выглядел он безупречно. В отличие от студенческих лет в Америке, где он позволял себе небрежность, ради встреч с Цинь Су он всегда подбирал гардероб с особой тщательностью. Белоснежная шелковая рубашка с воротником-стойкой, черный костюм от известного модного дома и строгое темное пальто. Образ казался простым, но в каждой линии сквозили элитарность и безупречный вкус.

Увидев столь представительного юношу, старик смягчился.

— Вы к профессору Циню? — спросил он.

Сам Цинь Су редко пересекался с соседями, приходя домой лишь спать, но его родители, бывая в городе, успели завязать крепкую дружбу со всей лестничной клеткой. Да и сам профессор, сталкиваясь утром со стариком, провожающим внука в школу, всегда вежливо здоровался и проходил с ним часть пути.

Вэньфэй глубоко вдохнул, стараясь расслабить лицо.

— Да, — ответил он как можно мягче. — Дядя, вы не видели Цинь Су?

— Мы редко видимся по вечерам, — ответил старик. — Но сегодня он, похоже, еще не возвращался. В квартире тихо.

Разочарование смешалось с облегчением. «Значит, он не прячется за дверью, его просто нет дома».

Старик вдруг насторожился, оглядывая Вэньфэя с подозрением.

— А вы ему не звонили? Зачем так поздно ломиться?

В его глазах тот уже начал превращаться в подозрительную личность.

— Есть дело, которое нужно обсудить лично. Раз его нет, я пойду.

Вэньфэй поблагодарил соседа и быстро спустился вниз.

Возле подъезда высились два старых гинкго. Сейчас их листва отлила золотом, и в свете фонарей деревья отбрасывали на землю причудливые, изящные тени. Картина дышала одиночеством и тихой меланхолией.

Вэньфэй вспомнил утреннее фото в WeChat Цинь Су. Это были те самые деревья. Те самые листья.

«Сейчас я стою ровно там, где он стоял сегодня утром».

Он достал телефон, переключил камеру в ночной режим и сделал снимок с того же ракурса. Отправив это фото профессору, он без слов даст понять: «Я здесь. Я жду тебя». Он не сомневался, что Цинь Су растрогается и немедленно примчится обратно.

«Это не признание поражения, — убеждал себя Вэньфэй. — Просто жест».

Но стоило ему нажать «отправить», как рядом с картинкой вспыхнул красный восклицательный знак, а внизу появилось системное сообщение:

[Мэнжу Цзяннань включил подтверждение друзей. Вы не состоите в его списке контактов. Пожалуйста, отправьте запрос на добавление.]

Син Вэньфэй, которого в жизни никто не смел блокировать, в оцепенении уставился в экран. Цинь Су его удалил.

<http://bllate.org/book/17514/1648577>